

**К ИСТОРИИ СЛОВА «ФИЛОСОФИЯ»
(ПРОТИВ УТИЛИТАРИЗМА)****THE WORD «PHILOSOPHY»:
HISTORICAL ASPECT****Аннотация**

В статье рассматриваются основные значения, которые в разные исторические эпохи вкладывались в слово *философия*. Возникнув на рубеже V–IV веков в Древней Греции, оно использовалось в его буквальном смысле – *любовь к мудрости* – для объяснения уже сформировавшегося культа *знания ради знания*. Считалось, что эта *любовь*, не будучи сама наукой, является *матерью всех наук*. В дальнейшем слово философия означало в основном *любовь к знанию* и совокупность теоретических наук. Только в XIX в. слово *философия* стало употребляться для обозначения особой отрасли знания со своей проблематикой, отличной от проблематики частных наук.

Ключевые слова: философия, природа, практическое знание, теоретическое знание, наука, Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Декарт, Вольтер, Ньютон, Кант, Гегель.

Abstract

The main subject of this article is the shift of meanings of the term “philosophy” in the different historical periods. “Philosophy” in ancient Greece was used in its literal sense – the love of wisdom – to explain the special cult “knowledge for the sake of knowledge”. It was believed that this “love” is the mother of all sciences. In the future, the word “philosophy” meant mostly “the love of knowledge” and a set of theoretical science. The word “philosophy” began to be used to refer to a particular branch of knowledge with its own issues (different than the issues of special sciences) only in the 19th century.

Keywords: philosophy, nature, practical knowledge, theoretical knowledge, science, Plato, Aristotle, Aquinas, Descartes, Voltaire, Newton, Kant, and Hegel.

Периоды смены столетий и, тем более, тысячелетий – это время, когда подспудно подводятся итоги прошедшего и формируются идейные программы будущего. Неопределенность будущего, до этого воспринимаемая как само собой разумеющаяся, хотя и досадная данность, начинает по-особому тревожить участников и свидетелей этой смены. Одним из результатов и одновременно причиной усиливающейся тревоги становится возрастающее взаимонепонимание. Все меньше понимают друг друга не только оптимистичные юнцы, которые ждут от будущего только радостных подарков, но и пессимистичные старики, которые лично для себя не видят впереди ничего хорошего. Непонимание разделяет в такие эпохи представителей даже одного поколения, одного социального слоя, одной культурной традиции. Начинают раздражать давно знакомые слова, становящиеся все менее понятными из-за массового употребления их в каких-то новых смыслах, как это случилось, например, с термином *цифра*, значение которого уже не ограничиваются *графическим знаком 10 первых чисел*. Уже многими он используется прежде всего как характеристика высококачественного изображения и звука. Из-за подобных трансформаций значений слов все меньшее доверие вызывает привычный интеллектуальный инструментарий и его терминологический аппарат, обеспечивавший до этого взаимопонимание сторон даже в самой острой полемике. Многие привычные слова и подразумеваемые ими понятия требуют теперь новых дефиниций либо уточнения и изменения старых. Своеобразной реакцией на эту нужду порубежной эпохи становятся исследования истории слов, начавшиеся и у нас в стране, и за рубежом в самом конце прошлого тысячелетия.

В каждой культуре есть слова, которые в союзе с двумя-тремя другими выражают ее суть, присущие только ей поведенческие, познавательные и эстетические идеалы, которые конституируют достаточно небольшой набор *вечных* для данной культуры вопросов и достаточно узкий коридор возможных ответов на них. Нет нужды объяснять мало-маль-

ски образованному человеку, о какой культуре и каких идеалах идет речь, когда ему встречаются слова *дао*, *веды* или, скажем, *дзен*. К такого рода ключевым словам принадлежит и *философия*, которая вместе с *природой* и *теорией* характеризует присущий только *европейской науке* строй мышления, незнакомый великим восточным цивилизациям вплоть до второй половины XIX в.¹

Однако за долгие века своего существования термин *философия* наполнился новыми смыслами, которые, как кажется, навсегда изгнали из круга обозначаемых им явлений *любовь к мудрости*. Само это словосочетание кажется теперь случайным названием для того духовного образования, о сущности которого говорят современные философы. В самом деле, разве *любовь*, пусть даже это *любовь к мудрости*, может быть *наукой*, или *мировоззрением*, или *прояснением смысла предложений*, или формой *общественного сознания*, а тем более формой *идеологии*, одно только существование которой говорит о наличии вражды, раздирающей противоположные общественные группировки? История необратима, и теперь уже невозможно употребление слова *философия* в его первоначальном смысле. Однако и игнорировать этот смысл непозволительно, поскольку речь идет о несущем каркасе европейской мыслительной культуры: когда-то, в самом начале формирования этой культуры, слово *философия* означало особого рода *любовь*, которой древние эллины объясняли странности в поступках и речах некоторых своих современников.

Сложные слова никогда не появляются в результате случайных звуковых сочетаний. Все они молоды, сравнительно со словами *первого наименования*, и имеют конкретных, хотя не всегда известных, изобретателей. Тот, кто создавал их, действовал вполне осмысленно, соединяя в единое целое разные корни потому, что уже имевшиеся слова невозможно было приспособить для обозначения совершенно новых, только что возникших вещей и явлений, радикально отличающихся от всего того, что было до них. Изобретение слова *философия* легенда приписывает Пифагору, будто бы из скромности отказывавшегося от звания *мудреца* на том основании, что только боги действительно мудры, а человеку приличествует называться лишь *любителем мудрости*. Но Пифагору (а многие историки сомневаются в реальном существовании этой фигуры) и тайному религиозно-политическому союзу *пифагорейцев* молва приписывала многое из того, что его адепты принципиально не могли ни знать, ни делать. Слово *философия* не встречается в достоверных письменных источниках VI–V вв. до н. э., а поэтому неизвестно, какой смысл вкладывали в него, например, Анаксагор или Демокрит и употребляли ли они его вообще.

Видимо, первым говорить о *философии* начал Сократ, иронически противопоставлявший свою *любовь к мудрости* мнимой мудрости софистов. Возможно, слово *философия* было сконструировано в кружке Сократа и какое-то время не выходило за его пределы. Хорошо знавший его Аристофан в комедии *Облака* называет Сократа не философом, а *софистом* скорее всего потому, что слова *философ* и *философия* не были знакомы большинству читателей и зрителей его пьесы. (Но, может быть, и самому Аристофану?) Первые в письменной речи термин *философия* встречается 2 раза в дошедших до нас копиях речей ритора Исократ, одно время входившего в кружок Сократа [17]. Но по-настоящему в широкий обиход оно вошло благодаря многократно тиражировавшимся диалогам Платона, где впервые встречаются развернутые суждения о *философии* и *философах*, причем эти термины вовсе не носят у него уничижительного смысла, искреннего или притворного.

Этим словом он обозначал не какую-то особую *науку* со своей особой предметной областью наряду, например, с астрономией, геометрией и арифметикой, и не *мировоззрение*, и не *идеологию* и не что-то иное, что в последующие века стали подразумевать под *философией*. Платон обозначал этим термином особого рода *любовь*, названную потомками *платонической* по имени ее первоописателя. Да и странно было бы ожидать от Платона, свидетеля изобретения и, возможно, одного из соизобретателей этого слова, чтобы он

¹ Термин *европейская наука* (его ввел в оборот Э. Гуссерль) в данном случае используется в расширенном значении, включая в себя все культуры научного мышления, которые сформировались под влиянием древнеэллинского гения, в том числе и средневековая арабоязычная наука, из которой философия под именем *фалсафа* пришла в Европу, вынудив говорить *европейскую науку* с сильным арабским акцентом.

употреблял его не в буквальном, а в переносном смысле, возникшем через века и тысячелетия в умах неведомых ему потомков². А к *любви* в самых разных ее проявлениях он относился весьма и весьма серьезно.

Платон вместе с Эмпедоклом и вопреки Гераклиту считал, что созидательным началом является не *вражда*, не борьба противоположностей, а *любовь*. Он описал несколько ее видов, благодаря которым жизнь людей с их общественным устройством, материальной и интеллектуальной культурой радикально отличается от сосуществования всех иных стадных животных. Это знакомая почти всем из нас *эротическая любовь*, сближающая человека с другими животными, но отличающаяся от животной страсти стремлением к *прекрасному*. Это и *сребролюбие*, создающее колоссальные богатства, а вместе с ними и возможность для осуществления самых грандиозных проектов. Это и *честолюбие* – любовь к почестям, толкающая людей как на подвиги, так и на преступления. Это и порожаемое, как считал Платон, честолюбием *властолюбие*, особенно ярко проявляющееся у политиков и военачальников. Но главный интерес и особое удивление вызывают у него два вида любви, которые в наибольшей степени характеризуют *философов по природе*. Одна из них – это собственно *любовь к мудрости*, вторая – *любовь к истине*, к знанию ради самого знания [12. 475 a-e, 486 b-c].

С VI в. до н. э. среди практичных соплеменников Платона – земледельцев и ремесленников, торговцев и мореплавателей, воинов и государственных деятелей – появились люди, которые стали интересоваться совершенно бесполезными вопросами. Состоит ли все из воды, огня, воздуха, из атомов и пустоты или из чего-то другого? Догонит Ахилл черепаху или не догонит? Действительно ли Солнце – раскаленный камень, величиной с Пелопоннес? На самом ли деле *все есть число*? Ответы на эти и подобные им вопросы явно не могли помочь ни в политике, ни в торговле, ни в ремесле, ни в военном деле, ни в сельском хозяйстве – ни в одной сфере практической деятельности древних эллинов. И тем не менее они спорили друг с другом, доказывая истинность своих взглядов, как будто от этого зависело что-то очень важное для их жизни. Они доказывали истинность теоремы Пифагора, которой их соседи по Средиземноморью да и сами они веками пользовались при межевании земли и строительных работах. Они доказывали множество бесполезных для них и их ближайших потомков теорем, включая теорему о возможности построения только пяти правильных выпуклых многогранников.

Что двигало этими людьми? Что движет нашими современниками? Почему больше 300 лет математики пытались доказать *Великую теорему Ферма*, хотя при нужде пользовались ею для решения некоторых задач? Что после 1995 г., когда она все же была доказана, движет теми из них, кто ищет другие способы ее доказательства? Каково практическое значение доказательства? И есть ли оно вообще? В случае надобности мы ведь используем знание теорем, не вспоминая их доказательств. Почему для нас немыслима математика без доказательств? И почему она легко мыслилась китайцами в XIX в.? В первых переводах на китайский язык европейских учебников по геометрии доказательства отсутствовали вообще. Видимо, китайские переводчики отбросили доказательства, не отыскав для них никакого практического применения и посчитав их своеобразными интеллектуальными украшениями, почему-то принятыми у европейцев, некими правилами этикета, аналоги которых европейцы называют *китайскими церемониями*. Таким же странным представлялось и большинству древних эллинов стремление некоторых из их современников доказывать истинность математических теорем и своих убеждений.

Платон, убежденный в полезности математических знаний для государственного управления и военного дела, отчетливо понимал практическую бесполезность доказательств, объясняя это никчемное, с точки зрения большинства, занятие *любви горячей*, похожей на то *умоиступление*, когда влюбленный не может ни думать, ни говорить о чем-либо ином помимо предмета своей любви. Влюбленностью *философов* в истину он объясняет их пренебрежение повседневными делами, бедность, неискусность в ремеслах и гражданских спорах. Доказательство, способное превратить сомнительное, а то и вовсе

² Подобную позицию занимал, например, Виндельбанд, полагавший, что философия в те времена была *единой нераздельной наукой*, а Платон, зная об этом, использовал слово *философия* как *технический термин*, то есть в переносном смысле [5. С. 31, 29].

нелепое, на первый взгляд, положение в личное убеждение, которое невозможно подобно *мнению*, изменить под влиянием настроения, привлекает особое внимание Платона. Оно не способ властолюбцев подчинить себе чужую волю, как стали трактовать доказательство в XX в., а средство, позволяющее *философу* убедиться самому и предоставить возможность убедиться другим в том, что они наконец-то владеют истиной – предметом их общей любви. В результате *философы по природе* получают от доказательства особого рода *наслаждение – удовольствие* (ἡδονή), неведомое *честолюбцам, сребролюбцам и тиранам* [12. 582 a-e; 586 c–587 e].

Всем нам, кому хотя бы раз в жизни удалось самостоятельно разобраться в доказательстве какой-нибудь теоремы или решить хотя бы одну задачу, знакомо это *удовольствие* от достижения истины, которое вызвано вовсе не мыслями о будущей выгоде (например, о денежном поощрении) или почестях (хотя бы о похвале учителя). Знакомство большинства из нас с *наслаждением* от нахождения доказательств говорит о том, что мы выросли в ареале культуры, важнейшая составляющая которой – *культ истины*, лелеемый учителями, фольклором, литературой, домашним, школьным и последующим образованием. Этот культ требует ценить некоторые *знания не как полезные средства*, которые можно *использовать* для достижения иной более важной для нас цели, а как конечную *цель*, как важнейшую ценность, ради которой жертвуют иногда жизнью, а иногда и своей бессмертной душой³. Что это за знания? И всякое ли знание мы добываем ради него самого?

Ответ на второй вопрос очевиден и прост: не всякое. Самые древние и наиболее обширные *практические знания* – рецепты, наставления, инструкции, технологические карты и все, что зовется сейчас know how (*знаю как*) – мы ценим за их *полезность*, т. е. за возможность *использовать* их как *средства* для достижения иных *целей*, более важных для нас, чем само *ноу хау*, хотя, будучи предметом коммерческой тайны, оно может стоить больших денег. Практические знания – это знания действий, без которых трудно, а иногда и невозможно достичь избранной нами цели. Поскольку эти цели и действия *наши*, т. е. осуществлять их или не осуществлять, действовать так или как-то иначе, зависит от *нашего желания*, то они, как заметил Аристотель, *не всегда бывают одинаковы*, а потому о поступках *мы принимаем решения* [3. 1112a30-1113a20].

С практическими знаниями, выражаемыми в императиве, до самого последнего времени никак не были связаны знания об объектах, недоступных произвольному изменению, и их сущностных свойствах, о которых, по словам Аристотеля, *мы не принимаем решений*, например, *о космосе*, или *прошлом*, или *несоизмеримости диагонали и стороны квадрата* [3. 1112a16-17]. Эти знания, выражаемые в изъяснительном наклонении, не являются *средствами*, так как ничего не говорят и, более того, не могут сказать о *возможных* или *нужных действиях* с предметами своего познавательного интереса, а потому бесполезные для осуществления чьих-либо практических целей, количество и разнообразие которых в настоящем и будущем необозримо. Такие знания, вслед за Аристотелем, стали называть *теоретическими, созерцательными* (от слова θεωρία – созерцание, наблюдение). *Теоретическим* для древних эллинов было как чувственное созерцание, так и *умозрение* (например, *чисел, атомов, идей, форм*), которое, считая его независимым от эмоций, они ценили выше первого, тесно сплетенного со страстями. Тем не менее, чувственное созерцание для них – это та же θεωρία, теоретическое познание⁴.

Возникновением культа неутилитарного (бесполезного) знания *европейская наука* обязана свободе, обрушившейся на Элладу в VII–VI вв. до н. э. в результате сравнительно

³ *Ермолай Барбаро*, патриарх Аквилеи, живший уже на закате Средневековья, в XV в., пытался, как говорят хроники, вступить в сговор с дьяволом всего лишь для того, чтобы тот разъяснил ему подлинный смысл аристотелевского термина *энтелехия*.

⁴ Определять возможные значения термина *теоретическое знание*, противопоставляя его *эмпирическому*, стали только со второй половины XIX в. под влиянием авторитетных тогда представителей *естественно-научного материализма*. До этого *теоретические знания* противопоставлялись исключительно *практическим*, и основанием различения, как и у Аристотеля, были их объекты, которые, как считалось, познаются одинаково – эмпирически и рационально. Так, Хр. Вольф наряду с *рациональными теоретическими науками* описывал и режущие наши глаза и уши *эмпирические теоретические*, которые, в свою очередь, противостоят у него *эмпирическим практическим наукам*, а те – *рациональным практическим*.

быстрого распада родовых связей ее жителей. Прежние нравы, безальтернативно диктовавшие правила поведения с сородичами и с иноплеменниками, в условиях *разнородного* и многолюдного *полиса* уже не работали, новые нормы еще только складывались. В хаосе ничем не регулируемых и потому не предсказуемых поступков, вызывающих страх и желание дать превентивный отпор еще недавно доброму соседу и даже родственнику, сложился культ *мудрецов*. Под *мудростью* понималась тогда высшая степень мастерства в любом деле, но прежде всего искусство находить выход из самой сложной житейской ситуации, не ущемляя интересов других людей. Легенда (а легендой она была уже для Аристотеля) приписывает *мудрецам*, сумевшим гармонизировать свои отношения с окружающими, изобретение *политии*, т. е. такой формы общежития разнородных и разноплеменных индивидов, которое регулируется *номосами* (*νόμοι*), соглашениями, принимавшимися общим собранием граждан и обязательно после этого записанными. Именно письменной формой *νόμος* (переводимый на русский язык чаще всего словом *закон*) отличался от *λεξί'α* (букв. – слово), устной формы прежних межродовых и межплеменных договоренностей⁵.

Однако *номосы*, как оказалось, в отличие от неписаных норм родового общежития легко переступались и легко отменялись (иногда временно, и назывались тогда *псефизмами*), несмотря на торжественные обещания не менять их. Законы – эти порождения свободы – предполагают свободное следование им, но также и свободу индивида их *переступать*, ясно отдавая себе отчет о возможных санкциях за подобные *преступления*. *Номосы*, конечно, ограничивали произвол индивидов, но не столь принудительно и безальтернативно, чтобы сравниться с прежними *табу*, чем невыгодно, с точки зрения большинства эллинов, отличались от неписаных и безальтернативных родовых нравов и обычаев, *стародедовских*, по Платону, *законов*. Недовольство возникшей системой ограничения свободы порождало подспудный поиск форс-мажоров, непреодолимых препятствий для своеволия индивидов, которые могли бы послужить основой будущего нерушимого законодательства.

Одним из итогов этого поиска стало формирование на рубеже VI–V вв. до н. э. понятия *φύσις* (*природа*). Под *природой* тогда понимали не *мир в целом*, не *космос*, не *вселенную*, но недоступную произвольному изменению *сущность*, которая определяет способ самостоятельного возникновения, существования и уничтожения вещей, примерно то, что подразумеваем мы, говоря о *природе человека*, *природе науки*, *мышления* и т. п. Основные значения слова *φύσις* задавались противопоставлением его слову *τέχνη* (*искусство*, *умение*) – другому началу возникновения, движения и изменения вещей, требующему от людей не только умений, но и усилий, подчас весьма серьезных. Разновидностью *τέχνη* была *πραξις* (*практика*), специфическое, по Аристотелю, искусство *поступков*, т. е. действий в отношении других людей.

Попытки постичь недоступные изменению и, следовательно, независимые от нашего решения *природы вещей* (именно так, во множественном числе, писали древние эллины, полагавшие, что каждый класс вещей имеет свою особую *природу*) привели к формированию основ *теоретического* познания. Оно обязано было представлять свои предметы не с точки зрения их возможного использования, но в их собственных *прирожденных* свойствах, независимо от того, полезны они или бесполезны, прекрасны они или безобразны, приятны или отвратительны. Теоретическое познание и тогда, и сейчас обязано отвечать на вопрос, что *есть* (а не всего лишь *мнится*), *было и будет всегда*, а не на вопросы, что *лучше*, чем то, что *есть*, и что *делать* для осуществления этого *лучшего*. Аналога понятия *φύσις* не смогли самостоятельно сформировать великие древневосточные цивилизации, в которых при всем богатстве и изощренности практических знаний так и не возник культ теоретического знания *ради знания*, требующий даже от седовласого *мудреца* дока-

⁵ Примечательно, что римляне стали использовать заимствованное у эллинов слово *lex* для обозначения принятых сенатом писаных законов. От множественного числа в латинском языке – *leges* – мы получили *легальность*, *легитимность*. От греческого *λεξ* – *лексику*. От обоих – *лекцию* и *лектора*: на юридических факультетах первых университетов преподаватель просто *читал* вслух законы (*lex*'ы) из Кодекса Юстиниана, а студенты следили за этим чтением по арендованным или купленным текстам.

звания безусым ученикам истинность своих утверждений, признавая тем самым их право сомневаться в словах учителя.

Но как соотносятся любовь к *мудрости*, т. е. к практическому знанию о полезном *средстве*, и любовь к *истине* – как конечной *цели* теоретического знания? Можно ли считать *философами* тех, кто с помощью зрения и умозрения исследует природы вещей, сознательно отказываясь от практического воздействия на них, дабы не исказить их *естество*? Сократ, как известно, отказался от увлекавшего его в юности познания *природ вещей*, чтобы сосредоточиться на практическом познании *блага* и способов его достижения, т. е. на постижении *мудрости*. Платон же нашел свое собственное решение вопроса о соотношении *философии* и любви к знанию, возвратившись к мифологической трактовке естественных процессов, которая органично вошла в раннехристианское толкование понятия *природа*, послужив теоретической основой будущих христологических споров, и стала господствующей в Средние века.

Классические эллинские мифы – это культ *искусства-умения*, освященный верой в олимпийских богов, которые лишь благодаря искусности каждого из них в своем ремесле (включая воровское искусство Гермеса) сумели победить своих более мощных кузенов-титанов. Платон, рассуждая в *Софисте* о *природах вещей*, благодаря которым нечто возникает без чьих-либо видимых усилий, утверждал, что на самом деле то, что понимают под $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$, есть тоже $\tau\acute{\epsilon}\chi\eta\eta$, но не человеческое *искусство*, а *божественное* ($\theta\epsilon\acute{\iota}\ \tau\acute{\epsilon}\chi\eta\eta$)⁶. Исходя из такого понимания *естества*, он говорит о верховном божестве как мастере-искуснике, *Демиирге*, а учение о возникновении вещей и *космоса* называет *правдоподобным мифом*, подразумевая под *мифом* особый литературный жанр, специфический предмет которого – дела богов и героев. Тем самым *любопытность* ($\phi\iota\lambda\omicron\mu\acute{\alpha}\theta\eta\mu\alpha$) тех, кто стремится постичь *природы* вещей, есть, по сути, не всегда осознаваемое стремление к постижению божественной *мудрости*⁷. Непонятная для большинства современников страсть к бесполезному знанию получила теперь свое объяснение. *Любовь к мудрости* ($\phi\iota\lambda\omicron\sigma\phi\acute{\iota}\alpha$), которая, овладев некоторыми из людей, побуждает их заниматься теоретическими разысканиями, уже после Платона стали называть *матерью* всех наук – математики (включавшей в себя и астрономию с теорией музыки) логики, физики, этики, а в эллинистический период еще и механики⁸.

Древние римляне, победившие в военном противостоянии Элладу, но не сумевшие противостоять обаянию ее культуры, перевели на латинский язык почти все греческие научные термины. Однако найти у себя аналог слову *философия* они не смогли. Их практический ум, отточенный в постоянных войнах, в государственном устройстве, в создании правовых институтов, в инженерных сооружениях и сельскохозяйственном производстве, был равнодушен к вопросам, ответы на которые не могли принести никакой пользы. Символичны легенды о смерти Пифагора, чертившего на песке геометрические фигуры, от меча римского солдата и о равнодушии, с которым римляне сожгли Александрийскую библиотеку. Признавая превосходство греков в решении теоретических проблем, прежде всего математических и физических, римляне согласились с ролью вечных школяров, лишь мечтающих о том, чтобы сравняться в знаниях со своими учителями. О самостоятельном разыскании теоретических знаний они и не помышляли. В результате в Риме сформировался новый тип ученого – эрудита, знающего все имеющиеся авторитетные источники. Этот тип ученого, каким был, например, Плиний Старший, стал образцом для подражания в средневековой схоластике. Греческим же словом *философия* римляне, знавшие его буквальный перевод, чаще всего обозначали малопонятную им *любовь* эллинов к *знанию*, а также и порождаемую ею совокупность *теоретических знаний*.

⁶ «...То, что приписывают природе, творится божественным искусством, что создается людьми – человеческим...» [8. 265e].

⁷ «Мудрость состоит в познании дел божественных и человеческих», – пишет уже в эпоху эллинизма Альбин, автор учебника по платоновской философии [9. С. 437].

⁸ «Одна часть теоретической философии – теология – имеет дело с неподвижными и первыми причинами, а также с божеством; другая – физика – изучает движение звезд, их обращение и возвращение; математике принадлежит то, что рассматривает геометрия и прочие такого рода науки» [9. С. 438–439].

Именно в таком толковании слова *философия* она стала предметом ожесточенной критики со стороны ранних христианских апологетов и *отцов церкви*, ревниво относившихся ко всяким видам любви, кроме любви к богу. Талантливые и по-гречески образованные, они немало сделали для подавления культа *философии*, авторитетного в силу странной моды на образованность среди утилитарно ориентированных римлян. Один из глубочайших христианских мыслителей, Аврелий Августин, стремясь опорочить философию в глазах своих римских сограждан, трактовал ее как низший вид любви, как своеобразную *похоть*, истощающую духовные силы людей в *стремлении к знанию*. Но *это знание*, – обращается он к практичным римлянам, – *не приносит никакой пользы, да люди ничего и не ищут в нем, кроме знания* [1. С. 308–310].

На протяжении всего раннего Средневековья, получившего название *темного*, западные христиане не без влияния Августина сознательно гасили интерес к самостоятельному поиску истины, если он у них пробуждался. Порывы же любознательности рассматривались как происки дьявола, возбуждающего гордыню человека, осмелившегося думать, что он может что-либо познать самостоятельно, тогда как, на самом деле, все свои знания мы получаем только от бога, отмерившего каждому из нас их содержание и объем, достаточные для достижения вечного блаженства⁹. Понадобился гений Фомы Аквинского, чтобы легализовать в глазах католиков XIII в. проснувшийся у них под влиянием арабоязычной культуры интерес к теоретическим разысканиям античности, к *философии*, под которой тогда, вслед за римлянами понимали не какую-то особую науку, но *любовь к знанию*. Аргументы Фомы, доказывающие, что эта любовь не угрожает *теологии*, но, наоборот, является ее *служанкой*, разрешили тысячелетний конфликт между любознательностью и правоведем, высвободив громадные интеллектуальные силы, приблизившие научную революцию Нового времени.

Не без влияния Фомы, полагавшего, что семь дисциплин *тривиума* и *квадривиума* не исчерпывают *теоретическую философию* (*philosophia theoreticam*), на *факультетах свободных искусств* (*facultas atrium liberatum*) в эпоху Ренессанса¹⁰ стали преподавать и *физику*, и *метафизику*, куда входили *рациональная (естественная) теология* и *рациональная психология*¹¹, а сами факультеты были переименованы в *философские*. В средневековую Европу приходит разделение наук на *теоретические*, изучавшиеся на *философских факультетах*, и *практические*, изучавшиеся на юридических и медицинских факультетах. С тех пор во многих европейских университетах после защиты докторской диссертации по одной из теоретических наук присваивается степень *доктор философии* (*Philosophie Doktor*). Сейчас к степени PhD добавляют указание на реальную дисциплину, по которой защищал диссертацию соискатель (физика, химия, математика и др.). После защиты диссертаций по *практическим наукам* присваивается степень *доктора медицины* или *права*. Особое положение занимала *практическая философия* – этические и политические доктрины, которые преподавались на *философских факультетах*. Тогда, как, впрочем, и в наши дни, изучение *этики* не ставило перед собой цель руководства поступками и исправления нравов (этим занималась церковь, а сейчас – еще искусство и средства массовых

⁹ В Средние века популярна была история о страданиях Альберта Великого, учителя и друга Фомы, который в детстве испугался овладевшей им страстью к учебе и всячески с ней боролся. Богородица, явившаяся ему во сне, посоветовала не противиться тяге к знанию, пообещав, что он умрет таким же невинным, каким пришел в этот мир. И, как говорит легенда, за год до смерти Альберт впал в старческое слабоумие, забыв все, что сумел узнать, и умер таким же безгрешным невеждой, каким и родился.

¹⁰ В 1265 г., т. е. за 9 лет до смерти Фомы Аквинского в 1274 г., родился Данте Алигьери, с творчества которого большинство культурологов начинает отсчет ренессансного Треченто.

¹¹ После Фомы обычным стало различение *сacra doctrina*, *догматического богословия*, и *рациональной*, или (что то же самое) *естественной*, теологии. Ее главная и, по сути, единственная задача – доказательство с помощью вечно сомневающегося *естественного разума* (*ratio naturalis*) существования бога как причины всего сущего и его устройства. Задачу доказательства того, что причиной наших поступков является бессмертная душа, которой дана власть над телом, решала *рациональная психология*. Особенности католической трактовки бога и души были прерогативой *сacra doctrina*, опирающейся на сверхъестественное откровение и потому не предполагающей никаких сомнений и доказательств.

коммуникаций). *Практическая философия* (*philosophia practica*) была *теоретической* дисциплиной, изучавшей как данность уже существовавшие авторитетные учения о *нравах*, в основании которых, как считалось, лежали представления о счастье и путях его достижения.

В Средние века слово *философия* и производные от него термины имели хождение не только в университетах, но и в замкнутой среде алхимиков, где они использовались в значении, напоминающем греческую *мудрость* (*σοφία*). В словосочетаниях *философский камень*, *философская ртуть*, *философская сера* и т. п. термин *философский* – оценочная категория, говорящая о высшей степени совершенства вещества, его чистоты, а также о высшем знании, доступном не всем, но только *философам*, приблизившимся к постижению *природы* металлов и способов ее изменения. Именно с этой позиции *философский камень* истолковывался как *камень мудрецов*, а слово *философ*, как и в эпоху эллинизма, когда зародилось *герметическое искусство* (так называли алхимию по имени ее легендарного основателя Гермеса Трисмегиста), стало синонимом *мудреца*. Для Роджера Бэкона алхимия – *практическая наука*, задача которой не служение истине, не *теоретическое познание*, а постижение *природы* металлов – *божественного*, по Платону, *искусства* – и, тем самым, рецептов ее изменения.

Алхимия, несмотря на колоссальный интерес к ней в позднее Средневековье, была чрезвычайно подозрительна с позиции правоверия, поскольку ей приписывалось практическое знание, относящееся к исключительной компетенции бога. Бог, творя вещи, наделял их *природой*, которую, в силу ее божественного происхождения, мог изменить только он сам. Алхимики, чтобы избежать обвинений в колдовстве, создали биоморфную теорию *созревания металлов* (*естественной* в недрах земли *трансмутации* железа в золото), которое прерывается в рудниках, но может быть восстановлено (излечено) с помощью *философского камня*, называемого поэтому также *медикаментом* и *панацеей*. И все же, несмотря на стройную *ad hoc гипотезу*, алхимия в глазах церкви была под большим подозрением, а слово *философия* в двух значениях функционировало в параллельных интеллектуальных мирах, обозначая два различных вида познавательной деятельности – *теоретической* и *практической*. Впрочем, *герметическое искусство* было не так уж и герметично, чтобы его термины не могли проникнуть в мир теоретического и обиходного знания. В наши дни забавным отголоском алхимической трактовки *философии* как наивысшего знания можно считать словосочетания *философский уровень* познания, *философский метод*, *философское обобщение*, *философское отношение к жизни* и т. п., намекающие на наличие у *философов* особых знаний и умений, не доступных никому, кроме них.

Секуляризация общественной и духовной жизни в Новое время, которой немало способствовала научная революция XVII в., наполнило слово *философия* новыми смыслами, хотя и не сразу. Еще долго под *философией* понималась *любовь к знанию*, что уравнивало в праве на истину *физику* и *метафизику*, *рациональную космологию* и *астрономию*, *рациональную психологию* и *эмпирическую*, математику и *этику*. Мы сейчас легко отделяем *философию* Декарта от его математических и естественно-научных исследований. Но сам Декарт, определявший *философию* как *занятие мудростью*, понимал под этим занятием не только свое учение о методе и двух субстанциях, но и теоретическое (умозрительное, с помощью *интеллектуальной интуиции*) познание *первоначал* и всех *прочих наук*, включая *рациональную теологию*, *рациональную психологию*, *физику*, *механику*, *медицину*, *этику*¹².

Нам сейчас очевидно, что в *Математических началах натуральной философии* (*Philosophie naturalis principia mathematica*) Ньютона излагается не *натурфилософия*, а физика, и что критика этих *Начал* Толландом с его собственными суждениями о движении, или, скажем, *Система природы* Гольбаха – это как раз натурфилософия, но никак не физика. Понятно и то, что *Философия истории* Вольтера – это не рассуждения о движущих силах исторического процесса и его конечных целях, а исторический труд, ставящий перед собой не практическую цель назидания, как повелось со времен Плутарха, но лишь

¹² «...Вся философия подобна дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие из этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике, и этике» [б. С. 301, 309]. Напомним, средством достоверного познания во всех областях является, по Декарту, интеллектуальное *созерцание* (интуиция).

задачу установления истины. Однако то, что легко понятно нам, было непонятно Ньютону, Гольбаху, Вольтеру, которые под *философией* понимали не то, что подразумеваемы, и понимание чего только к концу XVIII века начнет складываться в интеллектуальной среде обновляющейся Европы. Вольтер, правда, первым на континенте понял, что ньютоновство – это *физика*, а перипатетизм, картезианство, лейбницианство и им подобные доктрины – *метафизика*. Но *философия* для него и других просветителей-энциклопедистов – это все еще *любовь к знанию*, которая требует от *философов* установления того, что действительно *есть* и действительно *было*. Просвещенный этим знанием разум людей, считали они, не ошибется в выборе практических целей и средств их достижения и не допустит возвращения невежественного средневековья.

В Германии *популярная* (народная) *философия* ставила те же просветительские задачи, включая требование излагать научные знания на родном языке. Если латинские термины не нуждались в переводе на романские языки, то в Германии многие из них приходилось переводить на немецкий, создавая зачастую новые слова. Вместе с новообразованными немецкими терминами нередко сохранялись давно прижившиеся латинизмы и эллинизмы, что позволяло с помощью этимологически равных слов выражать различные нюансы сходных явлений. Особенно много новых терминов, приводивших современников в *шок*, ввел в своих *Критиках* И. Кант¹³.

Кант первым в континентальной Европе стал читать университетский курс физики по Ньютону и первым осознал всю ее новизну, непохожесть решаемых ею задач на прежние учения о *природе*. Кант использует неологизм *естествознание* (Naturwis-senschaft), чтобы отличить эту новую математизированную науку о природе от прежней, лишенной математического аппарата, *физики*, которую он намеревался реформировать на основе *критики разума* и назвать *метафизикой природы* или *философией природы*. Слово *философия* начинает обозначать не только *любовь к знанию* (Кант продолжает использовать термин *философия* и в этом значении¹⁴), но некую отрасль познания, которое в отличие от *наук теоретического познания* (математики и естествознания) никогда не добьется *всеобщности и необходимости* своих суждений¹⁵. Если собрать вместе все дефиниции *философии* в одной только *Критике чистого разума*, даже в одной ее главе *Архитектоника чистого разума*, их нельзя будет объединить неким синтезирующим определением. И тем не менее именно у Канта впервые *философия* начинает обозначать особую сферу познания со своей особой проблематикой, отличной от проблематики наук, получивших через некоторое время название *частных* или *конкретных*.

Формой осознания специфичности проблем, которые все чаще, вслед за Кантом, начинают называть *философскими*, стали попытки создать особую науку *философию*, со своим особенным предметом и методом. Одним из первых на этот путь стал И. Г. Фихте, называвший свое «Наукоучение» *новейшей философией*. Но наиболее последовательным в создании новой науки был Гегель. «Моим намерением, – писал он в *Феноменологии духа*, – было способствовать приближению философии к форме науки – к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени *любви к знанию* и быть *действительным знанием*. ...Настало время для возведения философии в ранг науки» [6. С. 3]. Его «система наук», задуманная как реализация замысла Канта, состояла из *феноменологии духа*, *логики*, и двух частей *реальной философии* – *философии природы* и *философии духа*, которая включала в себя *философию истории*, *философию права*, *философию религии*, *эстетику* и *историю философии*¹⁶.

¹³ Впрочем, Кант оптимистически смотрел в будущее: «Первый шок от множества совершенно непривычных понятий и некоторых еще более непривычных терминов...пройдет. Некоторые пункты со временем станут яснее (этому могли бы способствовать мои «Пролегомены»). Эти пункты осветят и другое, для чего...иногда потребуется и мое участие» [8, С. 506].

¹⁴ «Объяснять способы устройства природы или их изменение, прибегая для этого к помощи Бога как первооснователя всех вещей – это, по меньшей мере, не физическое объяснение; это... означает признание в том, что с философией здесь покончено...» [10. С. 667].

¹⁵ «...Мы можем ссылаться только на две науки теоретического познания, а именно на чистую математику и чистое естествознание...» [9. С. 33].

¹⁶ По одному из замыслов Канта, *система философии* виделась ему состоящей из *формальной части* – *логики* и *реальной части*, включающей в себя *теоретическую философию* – *философию природы* и *практическую* – *философию нравов*. Системе философии должна предшествовать *кри-*

Эта система, содержащая невероятное количество знаний и сведений из самых различных сфер интеллектуально-духовной деятельности в разные эпохи, необычные постановки вопросов и столь же необычные ответы на них, породила множество подражаний и возражений. Благодаря Гегелю, его эпигонам и критикам, круг проблем, которые стали считаться сугубо *философскими*, чрезвычайно расширился. *Философию* как отдельную дисциплину стали читать в немецких университетах и даже в школьных классах, отчего и получила данное ей Ф. Энгельсом название *немецкая классическая*¹⁷. Однако превращение слова *философия* в обозначение особой отрасли знания, обособившейся от совокупности конкретных наук, происходило в разных странах неодинаково. О. Конт исходил из его традиционного понимания, которое вкладывали в него Ньютон в своей *Натуральной философии*, К. Линней в *Философии ботаники* (*Philosophia botanica*), Ж. Б. Ламарк в *Философии зоологии* (*Philosophie zoologique*), и недоумевал по поводу новомодного его употребления в немецких землях и даже за их пределами. Не получив от Гегеля ответ на просьбу кратко и по-французски изложить его *философию*, Конт в конце концов заявил: «Наука – сама себе философия».

Однако к концу XIX – началу XX в. уже никто не называл *философией* естественные и исторические науки. *Философия истории* Вольтера и Гердера стала просто *историей*, *философия ботаники* и *философия зоологии* – ботаникой и зоологией, *натурфилософия* Ньютона – *физикой*. Но термин *философия истории* не исчез, под ним стали понимать рассуждения о сути исторического процесса и исторического познания. Появились *гносеология*, *эпистемология* и другие сугубо *философские* дисциплины. Один из самых образованных людей своего времени, неокантианец, а затем и неогегельянец В. Виндельбанд писал: «Названия имеют свою судьбу, но редкое из них имело судьбу столь странную, как слово “философия”» [5. С. 22]. Решая вопрос о предмете *истории философии*, он пришел к выводу о невозможности найти что-либо, что объединяло бы существовавшие в прошлом и настоящем различные значения этого термина, и дал свое его определение: «...не отнимая ни у кого права называть философией все, что ему заблагорассудится, я лишь пользуюсь этим правом... и считаю возможным понимать под философией... *критическую науку об общеобязательных ценностях*» [5. С. 40]. Так появилась *аксиология*, которая многими в наши дни признается обязательной составляющей *философии*.

Еще больше *философий* возникло в XX веке. Здесь и *философия физики*, и *философия математики*, и просто *философия науки*, и *философия социального* (*die Socialphilosophie*), а в постсоветской России *социальная философия* (своим нелепым названием говорящая о возможности еще более нелепой *асоциальной философии*)¹⁸, и еще множество других, включая *философию философии*¹⁹. Казалось бы, множество конкурирующих школ и течений, вкладывающих в слово *философия* собственное толкование его смысла, должно было бы привести к радикальному взаимонепониманию их адептов. Однако это не так. Марксисты и неотомисты, экзистенциалисты и логические позитивисты, представители феноменологии и лингвистического анализа легко отличают, скажем, *философию физики* от физики, *философию математики* от математики, *философию искусства* от искусства, *философию религии* от религии и при всей критичности по отношению к противоположным взглядам не отрицают их *философского* характера. Оказывается, несмотря на все декларации об оригинальности собственных воззрений, наши современники исходят из какого-то общего понимания слова *философия*.

Правда, в некоторых случаях способы употребления этого слова заставляют обращаться к его истории, поскольку вызывают недоумение у людей, принадлежащих разным научным традициям. Так обстоит дело, как уже говорилось, с ученой степенью PhD – *доктор философии*. Еще большее недоумение вызывает использование франкоязычными

тика разума, которую он называл *пропедевтикой* и *феноменологией* и которая «не составляет части такой системы, а только...выдвигает и подвергает проверке идею такой системы» [11. С. 837].

¹⁷ Гегель, попытавшийся читать философию в Нюрнбергской гимназии, позже признал неудачным этот опыт.

¹⁸ Кафедры *социальной философии* и соответствующие учебные дисциплины в российских вузах появились на месте прежних, носивших не менее бессмысленное название кафедр *исторического материализма*.

¹⁹ См.: [4].

и англоязычными правоведами слова *юриспруденция*. У них оно означает не науку о действующем *праве*, не специальность выпускников юридических факультетов, а *философию права*, под которой понимается не толкование права с позиции какой-либо философской доктрины, а *история* правовых учений и правовых институтов²⁰. Подобно Вольтеру, *история* в данном случае трактуется как *теоретическая* наука, поскольку ее предмет не поддается произвольным изменениям, и, с этой восходящей к Аристотелю позиции, *историю права* следует отнести к корпусу *философских наук*, задача которых в отличие от наук практических – установление истины²¹.

Однако, если принять не такое уж и древнее разделение знаний на *практические* и *теоретические*, то все *философии*, возникшие в последние двести лет, ничуть не более практичны, чем англо-французская *философия права*. Непрактична *философия науки*, иначе она смогла бы с помощью *методологии науки* указать всем и каждому *путь* (от греч. μέθοδος – букв. путь) к физическим, биологическим, химическим и т. п. открытиям. По тем же соображениям непрактичны *философия искусства*, *философия политики* и другие *философии*. Иными словами, философия, как и в момент своего зарождения, бесполезна, т. е. не является средством для каких-либо более важных целей – ею занимаются ради нее самой. Она своеобразная роскошь тех, у кого, как и во времена Аристотеля, *оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие* [2. 982 b 20-25]. Ее не могут позволить себе народы бедных обществ.

Но эти народы не могут позволить себе и *теоретической физики*, да и других естественно-научных *теорий*, что бы ни говорили об их исключительной практичности. Эти теории нацелены на открытие *законов природы*, которые действовали, действуют и будут действовать всегда, хотим ли мы этого или нет. Эти законы, подобно большинству юридических, разрешают делать людям все, что ими не запрещено. Но они ничего не говорят, что же такое это *все*. В законах природы не содержится указания на действия, нужные для достижения всех практических целей наших современников и их потомков. Теоретические знания публикуются в открытой печати, они, как и во времена зарождения философии, не know how, являющиеся предметом коммерческой тайны, подобно семейным рецептам мастерства древних и средневековых ремесленников. Конечно, в наши дни многие *ноу хау*, относящиеся к тому, что называется *высокими технологиями* (hi-tech), невозможны без современных теоретических знаний о природе. Естественно-научные теории могут стать *полезными* средствами для практических целей. Но для этого они должны попасть в поле внимания изобретательного ума инженеров, которые осмысливают предметы через призму категорий *цель* и *средство*, но не *причина* и *следствие*. Таким инженером был, например, Александр Попов, который вовсе не был физиком-теоретиком и не открывал электромагнитных волн. Их открыл Г. Р. Герц, так и не догадавшийся, как может быть практически использовано его открытие.

Те области интеллектуальной деятельности, которые в наши дни называют *философией*, как и возникшие вместе с ней в XIX веке различные виды искусствоведения, культурология, социология, экономическая теория, – есть порождение культа *знания ради знания*. Этот культ требует добиваться истины независимо от того, прекрасна она или безобразна, приятна она или отвратительна, полезна она или бесполезна²². Философия, как ничто иное в наши дни, поддерживает этот культ, одновременно увеличивая наши знания о естественных науках, искусстве, обществе, историческом познании. Как когда-то Сократ, искавший мудрости у ремесленников, политиков, поэтов, современная *философия* в

²⁰ «Термин “юриспруденция”... означает... в обычном праве США и других стран, а также Англии – правоведение или философию права. ...Философия права изучает различные теории, которые выдвигались на протяжении развития человеческой мысли для объяснения природы права» [16. С. 10].

²¹ «...*О прошедшем*, – говорил Аристотель, разграничивая сферы теоретического и практического знания, – *не принимают решений*» [3. 1139 b-10].

²² Практическая значимость естественно-научных и обществоведческих теорий, большая часть которых возникла именно в XIX веке, – далеко не решенная проблема. Проблемой остается полезность даже *экономической теории*, старательное изучение которой не сделало никого столь же богатым, каким является хотя бы недоучка Билл Гейтс.

лучших своих проявлениях исследует любые умения и учения, чтобы приобщиться к мудрости их творцов. Но она не находит ее ни в политике, ни в искусстве, ни в религии, ни в технологии, ни в науке, ни в чем ином, что начинает претендовать на обладание *мудростью*. Поэтому философов, как и прежде, не очень-то любят: они, добываясь истины, разрушают претензии на *мудрость* – на практическое знание того, как следует поступать, чтобы жить в гармонии с собой и окружающими. Нет мудрости в нашем мире, но невозможно запретить любить ее и после каждого разочарования надеяться на ее обретение. Похоже, слово *философия* в наши дни возвращается к своему исконному значению, способному объединить ее разные дефиниции, существовавшие в истории.

Литература

1. Августин Аврелий. Творения блаженного Августина епископа Иппонийского. – Киев, 1880.
2. Аристотель. Метафизика.
3. Аристотель. Никомахова этика.
4. Бабушкин В. У. О природе философского знания. – М., 1978.
5. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. – М., 1995.
6. Гегель. Сочинения : в 14 т. – М., 1959. – Т. IV.
7. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.
8. Кант И. Собр. соч. : в 8 т. – М., 1994. – Т. 8.
9. Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 4.
10. Кант И. Соч. на немецком и русском языках. – М., 1997. – Т. 3.
11. Кант И. Соч. на немецком и русском языках. – М., 2001. – Т. 4.
12. Платон. Государство.
13. Платон. Федр. – М., 1989.
14. Платон. Софист.
15. Платон. Диалоги. – М., 1986.
16. Синха Сурия Пракаш. Юриспруденция. Философия права : краткий курс. – М., 1996.
17. Шичалин Ю. А. Вступительная статья к [13].